

Н.Н. Глубоковский

Евангелия

**и их благовестие о Христе-
Спасителе и его искупительном
деле**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Г55

Г55 **Глубоковский Н.Н.**
Евангелия: и их благовестие о Христе-Спасителе и его искупительном деле /
Н.Н. Глубоковский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 158 с.

ISBN 978-5-517-90623-6

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1932 года

ISBN 978-5-517-90623-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

меня), и яхъ его, и убихъ его въ Секелазѣ, ему же долженъ бѣхъ дати даръ (φ ἔδει με δοῦναι εὐαγγέλια). „Почто,— спрашиваетъ Іоавъ Ахимааса (2 Цар. XVIII, 22), — хощеши тещи, сыне мой? Гряди, нѣсть тебѣ возвѣщеніе въ пользу грядущему“ (οὐκ ἔστι σοι εὐαγγέλια εἰς ὡφελεῖαν παρευμένῳ, когда не можешь сообщить д'обой вѣсти), ибо (ст. 20) „сынъ царевъ (Авессаломъ) умре“. Но тотъ побѣжалъ, — и, узнавъ объ этомъ отъ сторожа, царь замѣтилъ (ст. 25): „аще единъ есть, благо возвѣщеніе ніе во устѣхъ его“ (εὐαγγέλια ἐν τῷ στριματι ἀύτῳ). Ср. еще 2 Цар. XVIII, 20: мужъ возвѣщаю благо — ἀνὴρ εὐαγγελίας, но возвѣстиши — καὶ εὐαγγελῆ, не добро возвѣщеніе — οὐκ εὐαγγελῆ. 2 Цар. XVIII, 27: и возвѣстіе благое — εἰς εὐαγγελίαν ἀγαθήν. 4 Цар. VII, 9: день благовѣщенія — ἡμέρα εὐαγγελίας. 1 Цар. XXXI, 9: возвѣщающе — εὐαγγελίζοντες.

Изъ этихъ справокъ вытекаетъ, что рассматриваемые термины всегда означаютъ нѣчто объективно радостное, эссенціально таковое по самой природѣ вещи или событія, и лишь весьма рѣдко примѣняются къ тому, что бываетъ страднымъ по пристрастію и только для немногихъ (1 Цар. XXXI, 9. 2 Цар. I, 20. 1 Пар. X, 9. Іер. XX, 15). Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ у LXX-ти дважды (2 Цар. XVIII, 27: εὐαγγελίαν ἀγαθήν. 3 Цар. I, 42: καὶ ἀγαθὰ εὐαγγελίσας) дѣлаются квалифицирующія реальную цѣаность прибавки, а вообще этого не бываетъ, такъ какъ истинное достоинство понятно само собою, ибо вездѣ въ данныхъ случаяхъ трактуется о пришествіи Бога-Спасителя (Иса. XL, 9. LXI, 1) съ правдою (Пс. XXXIX(40), 9), миромъ (Иса. LII, 7. Наум. I, 15 (II, 1) и спасеніемъ (Пс. XCV (96), 2. Наум. II, 32). Тутъ все радостно и именно потому, что фактически отрадно.

Такое соотношеніе элементовъ понятія коренится въ самомъ его содержаніи и достаточно засвидѣтельствовано для прихристіанской эпохи. Такъ, Іосифъ Флавій городскія празднества сводитъ къ εὐαγγέλια и θυσίαι (De bello jud. X, 10,6: καὶ πᾶσι πόλις ἐώρταζεν, εὐαγγέλια δὲ καὶ θυσίας ὑπὲρ αὐτοῦ (Веспасіана) ἐπιτελεῖ) и говоритъ (XI, 5) о τὰ ἀπὸ τῆς Ῥώμης εὐαγγέλια, каковымъ именемъ Цицеронъ (ad Att. II, 3:1) называетъ освобожденіе Валерія, а св. I. Златоустъ — чудесное избавленіе Апостола Петра изъ темницы (in Act. hom. XXVI, 3: Migne gr. LX, col. 201), сливая въ одно нераздѣльное цѣлое оба эти оттѣнка, какъ это и бываетъ всегда de facto: τὸ εὐαγγέλιον τοῦτο ἔστι τὰδε σοι ἔσται ἀγαθά (in Act. hom. XIX, 5: M. gr. LX, 157).

Значитъ, „Евангеліе“ есть добрая вѣсть, вызывающая добрыя чувства и — по движенью ихъ — вознаграждаемая соотвѣтственно въ тѣхъ или иныхъ формахъ. Но и для

язычниковъ источникомъ отраднаго блага является собственно Богъ, и самая радость имѣла цѣнность не по одной лишь пріятности, а — первѣе и главнѣе всего — по своему этическому достоинству, поскольку возводила къ истинной радости и открывала подлинный идеалъ совершенства въ элѣ Божіей. Тѣмъ болѣе для еврея, всецѣло проникнутаго строгими теократическими принципами, благовѣстіемъ было то, въ чемъ обнаруживается законъ Господень, который только и можетъ доставить чистую радость чрезъ богоугодную жизнь, озаряющую и направляемую свыше. Одинъ Іегова — всегда и во всемъ — былъ въ состояніи сообщить людямъ чрезъ своихъ посланниковъ „единое на потребу“ и чрезъ это привести душу въ восторженное состояніе вполнѣшаго довольства¹⁾). А мы знаемъ, что наличная бѣдственность Израиля скрашивалась мессіанскою вѣрой, которая проникала все его бытіе и предвѣщала величайшую радость. Естественно, что лишь относившееся къ будущему Избавителю и къ мессіанскому прославленію искупленныхъ радостно возвышало вѣрующее сердце и было для него абсолютно отраднымъ. Въ силу этого и besorah, εὐχγέλιον въ Ветхомъ Завѣтѣ прилагается къ мессіанскимъ пророчествамъ, предуказывающимъ новозавѣтное царство внутренняго покоя и фактической свободы отъ тяготы ига грѣховнаго²⁾). „Коль красны ноги благовѣстующихъ (ὅς πόδες εὐχγέλιον), миръ, благовѣстующихъ (ὅς εὐχγέλιον), благая, яко слышано сотворю спасеніе твое, глаголя, Сіоне: воцарится Богъ твой“ — восклицаетъ Ісаія (Лл. 7). „На гору високу взыди, благовѣстуюй (εὐχγέλιον), Сіону, возвыси крѣпостю гласть твой, благовѣстуюй Іерусалиму:... Господь съ крѣпостю грядетъ, и мыща его со властію... Аки пастырь упасеть паству свою, и мыщею своею соберетъ агнцы, и имущія во утробѣ утѣшишъ“ (Іса. XL, 9). „Вси отъ

¹⁾ Prof. Julius Schniewind констатируетъ, что *βσг* въ В. З. есть религіозный терминъ (S. 44, 52, 60-61), даже съ культовыми значениями (S. 51), но считаетъ, что формально очевиденъ разрывъ (*der Schnitt*) между „свѣтскимъ“ и религіозными словоупотребленіями (S. 59), при чёмъ первое — старше и относилось къ сообщенію о побѣдѣ (S. 33), но самъ же соглашается, что послѣднее возвѣщалось культовыми образомъ, какъ побѣда Іеговы (S. 59), ибо Онъ для Израиля былъ Господь Саваоѳъ — Богъ воинствъ. Слѣдовательно, по первоисточнику оба примѣненія безусловно религіозны.

²⁾ И Prof. Julius Schniewind считаетъ *βσг* (собственно εὐχγέλισσωθαί) мессіанскимъ терминомъ, по крайней мѣрѣ, у Девтероисаіи, какъ связывающаго съ нимъ мессіанскія надежды (S. 43), отражающіяся у Христа и въ понятіяхъ о Евангеліи первенствующей церкви (S. 57-58).

Савы пріидутъ, носяще злато, и ливанъ принесутъ, и камень честенъ, и спасеніе Господне во звѣстятъ” (ххі тѣ штѣрію Курію εὐχῆγελοῦτα: Иса. LX, 6). „Духъ Господень на Мнѣ, — отъ лица Мессіи возглашаетъ ветхозавѣтный Евангелистъ (Иса. LXI, 1-3),—егоже ради помаза мя, благовѣстити (εὐχῆγελίσασθαι), нищимъ посла мя, исцѣлити сокрушенія сердцемъ, проповѣдати плѣнникомъ отпущеніе, и слѣпымъ прозрѣніе, нарещи лѣто Господне пріятно, и день воздаянія утѣшити вся плачущія, дати плачущимъ, Сиона славу вмѣсто пепела, помазаніе веселіе плачущимъ, укашеніе славы вмѣсто духа унынія: и нарекутся родове правды, насажденіе Господне въ славу”.

Изъ приведенныхъ библейскихъ цитатъ легко видѣть, что для благочестиваго еврея „Евангеліемъ“ было только предсказаніе о славномъ пришествіи Мессіи. Тогда — въ Ветхомъ Завѣтѣ — оно не имѣло соотвѣтствія въ наличной дѣйствительности, ибо Примиритель былъ пока лишь чаяніемъ языковъ (Быт. XLIX, 10), но—по незыблемому сознанію всякаго сына ветхозавѣтной теократіи—константиро-вало съ божественною авторитетностію имѣвшее послѣдовать спасительное искупленіе. Естественно, что, будучи благовѣстіемъ въ качествѣ ожидаемаго, это событие продолжало быть таковыи и тогда, когда стало осуществленнымъ и свидѣтельствуемымъ. Правда, самый терминъ εὐαγγέλιον въ позднѣйшихъ, неканоническихъ памятникахъ предхристіанской эпохи исчезаетъ, но это связывалось съ раввинистическимъ потускнѣніемъ мессіанскаго идеала и съ эллинистическимъ его раціонализированіемъ: въ первомъ случаѣ устремленіе мысли было въ сторону мессіанской сокрушительности, во второмъ — теоретическое распыленіе мессіанского образа не допускало конкретныхъ характеристикъ. Тѣмъ не менѣе подобное колебаніе не могло устранить того безспорного факта, что гадательное besorah сдѣлалось во Христѣ живою реальностію, которая воплотила всѣ предпредѣленныя свойства и обладаетъ всѣми преимуществами достоинства и званія. „И мы благовѣствуемъ вамъ (εὐαγγέλιον μεθ),—проповѣдывалъ Апостоль Павелъ слушателямъ въ синагогѣ Антіохіи Писидійской (Дѣян. XIII, 32),—что обѣтованіе, данное отцамъ, Богъ исполнилъ намъ, дѣтямъ ихъ, воскресивъ Іисуса“. „И нынѣ, — говорилъ онъ царю Агripпѣ“ (Дѣян. XXVI, 6—7),—я стою предъ судомъ за надежду обѣтованія, даннаго отъ Бога отцамъ нашимъ, исполненіе каковаго чають увидѣть наши двѣнадцать колѣнъ“ въ пострадавшемъ и воскресшемъ Христѣ (ст. 23).

Слѣдовательно, христіанство есть осуществленіе предвѣщаннаго спасенія и—подобно ему—является реально ра-

достнымъ, какъ Евангеліе о Христѣ, воплощенное Христомъ и функционирующее въ Немъ и чрезъ Него¹⁾). Въ такомъ случаѣ оно оказывается теперь и благовѣстіемъ со всѣми типическими предикатами. Натурально, что для его обозначенія былъ избранъ библейски освященный мессіанскій терминъ „Евангеліе“ во всей его традиціонной конкретности. Погорему и здѣсь данное название должно указывать 1) самое фактическое искупленіе чрезъ Іисуса Христа и 2) авторитетное возвѣщеніе о немъ.

Такъ мы и видимъ это въ новозавѣтномъ употребленіи.

Въ первомъ отношеніи „Евангеліе“ есть таинство (τὸ μυστήριον τοῦ εὐαγγελίου) по самой своей природѣ (Еф. VI, 19), благодаря чему и язычники (наравнѣ съ іудеями дѣлаются сонаслѣдниками... и сопричастниками обѣтованія во Христѣ Іисусѣ посредствомъ благовѣстованія (διὰ τοῦ εὐαγγελίου: Еф. III, 6), а само оно составляетъ радость величайшую всѣмъ людямъ, какъ возвѣщалъ (εὐαγγελίζομαι) Ангель Господень Виолеемскимъ пастырямъ (Лук. II, 10), удостовѣряя, что тутъ радостное слово почерпается отъ радостнаго факта.

Понимаемое въ этомъ объективномъ смыслѣ, Евангеліе служить „силою Божіей ко спасенію всякому вѣрующему, во-первыхъ іудею, потомъ и еллину“ (Рим. I, 16) и всѣхъ одинаково поставляетъ въ новое положеніе, давая имъ средства жить въ отрадномъ мириѣ внутренно и во взаимныхъ отношеніяхъ. Въ параллель политическому строю, — тутъ оно оказывается теперь Евангеліемъ царствія (τὸ εὐαγγέλιον τῆς βασιλείας: Мт. IV, 23. IX, 35. XXIV, 14), основаннаго Господомъ и потому не земного, носившагося предъ омраченнѣмъ раввинистическимъ взоромъ, а Божія (τὸ εὐαγγέλιον τῆς χριστὲίς τοῦ Θεοῦ у Мк. I, 14 по т. гес.) и по своему происхожденію отъ Бога и по назначенію вести своихъ членовъ къ Нему путемъ спасенія (τὸ εὐαγγέλιον τῆς σωτηρίας ὑμῶν Еф. I, 13). Это есть Евангеліе всецѣлаго умиротворенія (τὸ εὐαγγέλιον τῆς εἰρήνης: Еф. VI, 15) по благодати Божіей (τὸ εὐαγγέλιον τῆς χάριτος τοῦ Θεοῦ: Дѣян. XX, 24), въ полнотѣ излившейся на людей чрезъ Единороднаго Сына. При подобныхъ свойствахъ своихъ Евангеліе открываетъ прямой и вѣрный путь къ совершенству и блаженству для всякаго человѣка, если онъ смиренно и съ душевною покорностію принимаетъ его (ὑπακούει τῷ εὐαγγελίῳ: Рим. X, 2. 2 Θессал. I, 8), съ окруженнѣмъ сознаніемъ своей грѣховной немощности будетъ

¹⁾ Поэтому является довольно напраснымъ и тенденціознымъ споръ о томъ, означаетъ ли εὐαγγέλιον у синоптиковъ Евангеліе о Христѣ (Prof. Jul. Wellhausen) или Евангеліе Христа (Prof. Ad. Harnack): см. у Prof. Julius Schniewind, S. 12, 24.

вѣровать ему (μετανοεῖτε καὶ πιστεῖτε ἐν τῷ εὐαγγελίῳ: Мрк. I, 15), подвизаться за вѣру евангельскую (συναθλεῖτε τῇ πίστει τοῦ εὐαγγελίου: Филипп. I, 27), свидѣтельствовать Евангеліе благодати Божіей (διαμαρτύρασθαι τὸ εὐαγγέλιον τῆς χάριτος τοῦ Θεοῦ: Деян. XX, 24) своею достойною его жизній (ἀξίως τοῦ Εὐαγγελίου τοῦ Χριστοῦ πολιτεύεσθαι: Филип. I, 27) и своимъ страданіемъ ему (συνικκοπάθησοι τῷ Εὐαγγελίῳ: 2 Тим. I, 8). Дѣлая все это, христіанинъ становится и соучастникомъ Евангелія, какъ говоритъ о себѣ Апостолъ Павелъ (1 Кор. IX, 23): πάντα ποιῶ διὰ τὸ Εὐαγγέλιον, ἵνα συγκεινωδὸς αἴτοι γένωμαι. Но это Евангеліе основано и утверждено на землѣ божественнымъ Сыномъ, Иже сый сіяне славы Отчей (Евр. I, 3), и неизбѣжно отображаетъ небесный блескъ своего первоисточника: потому оно есть тѣ Εὐαγγέλιον τῆς δόξης τοῦ μακαρίου Θεοῦ (1 Тим. I, 11) или тѣ Χριστοῦ (2 Кор. IV, 4) и отъ надежды благовѣстія (ἀπὸ τῆς ἐλπίδος τοῦ εὐαγγελίου: Кол. I, 23) даруетъ людямъ за это упованіе (διὰ τὴν ἐλπίδα) уготованное имъ на небесахъ (Кол. I, 5) вѣчное царство. Отсюда оно уже по одному этому бываетъ Εὐαγγέλιον αἰώνιον (Апок. XIV, 6) и нескончаемо по дѣйствію и существу, какъ и владыка его — Христосъ.

Въ результатѣ получается, что въ буквальномъ смыслѣ „Евангеліе“ означаетъ лишь таинство искупленія человѣчества отъ грѣховъ спасительнымъ подвигомъ всей жизни воплощенаго Сына Божія. Въ такомъ духѣ этотъ терминъ истолковывается и въ патристической письменности, когда, напр., св. Игнатій Богоносецъ внушаетъ Филадельфійцамъ (IX: М. гр. V, 705): „изрядное имѣете Евангеліе (а именно) — пришествіе Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, страданіе Его и воскресеніе“, поскольку (—согласно посланію къ Смирнянамъ VII: М. гр. V, 714 —) въ немъ страданіе намъ открыто и воскресеніе совершилось, а потому оно у Василія В. называется (Liber de Spiritu Sancto XV, 35: Migne гр. XXXII, 132), „предначертаніемъ (новаго) житія изъ воскресенія“.

Но если Εὐαγγέλιον обнимаетъ собственно историческое дѣло спасенія человѣчества, то и Евангелистомъ въ этомъ случаѣ могъ быть только одинъ тотъ, кто его фактически совершилъ. „И ходилъ Иисусъ, — пишетъ Апостолъ Матѳей (IX, 35; ср. IV, 23. Мрк. I, 14),—по всѣмъ городамъ и селеніямъ,... проповѣдуя Евангеліе царствія“ (κηρύζων τὸ εὐαγγέλιον τῆς βασιλείας). „Господь,—учить св. Игнатій Богоносецъ Траллійцевъ (ad Trall. X, 5 по пространной редакціи: М. гр. V, 793), — три года проповѣдовывалъ Евангеліе и творилъ знаменія и чудеса“. И внимательные къ подлинному тексту апостольскихъ повѣствованій, мы должны будемъ замѣтить, что уже самъ Христосъ Спаситель выражалъ такую мысль, прилагая къ себѣ всѣ ветхо-

завѣтныя besoroth и тѣмъ освящая употребленіе даннаго термина по отношенію къ Нему на всѣ дальнѣйшія времена. „Духъ Господенъ на Мнѣ,—читалъ Онъ въ Назаретской синагогѣ (Лук. IV, 18) пророчество Исаіи (LXI, 1), — егоже ради помаза мя, благовѣстити нищимъ (εὐαγγελίσασθαι πτωχοῖς) посла мя“, а послѣ торжественно засвидѣтельствовалъ, что эта миссія Имъ выполнена: „Пойдите, скажите Іоанну, — отвѣчалъ Онъ посламъ Крестителя (Ме. XI, 4—5. Лук. VII, 22), — чѣмъ слышите и видите. Слѣпые прозрѣваютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуютъ“ (или —по πτωχοῖς εὐαγγελίζουται, можетъ быть, точнѣе—„нищіе евангелизуются“, оглашаются Моимъ Евангеліемъ, сущность коего выражена приведенными выше примѣрами). Поэтому Евангелистъ—по строгой и точной силѣ дѣла и слова—есть Христосъ и никто болѣе, и Евангеліе принадлежитъ, какъ собственность, Ему одному, ибо это—Его созданіе, Его учение, вся Его жизнь вообще, въ которой и слово было Евангеліемъ¹). По этой причинѣ у новозавѣтныхъ писателей Евангеліе относится къ Нему: тѣ Евхаристіи тобъ Гіосъ тобъ јеосъ (Рим. I, 9), Іисусъ Христосъ (Мрк. I, 1) или—просто—тобъ Христосъ (Рим. XV, 19. Гал. I, 7. Филипп. I, 27). Имъ основано это царство,—царство спасенія, мира и славы,—и Его именемъ должно называться Евангеліе даже и тогда, когда устно сообщаютъ о немъ другимъ, какъ это выдерживаетъ постоянно въ своей терминологіи Апостолъ Павелъ (ср. 1 Кор. IX, 12. 2 Кор. II, 12. X, 14). А поскольку всякое откровеніе божественное имѣть свой первоисточникъ въ Богѣ, бывшемъ и предметомъ этого откровенія, то Онъ же предложилъ и жертву очищенія Сыновнею кровію (Рим. III, 25), обѣщавъ прежде самое благовѣстіе чрезъ пророковъ Своихъ (Рим. I, 1, 2). Значитъ, по своему первоначалу это есть Евхаристіи јеосъ (Рим. I, 1. XV, 16. 2 Кор. XI, 7. 1 јессал. II, 2, 8, 9. 1 Петр. IV, 17), хотя ближайшимъ образомъ оно дано Іисусомъ Христомъ, ибо Имъ на землю принесено и осуществлено.

Но, будучи доступнымъ для человѣчества спасеніемъ, Евангеліе должно быть усвоено людьми, а для сего необходимо сообщить имъ объ этомъ событии въ точности и подробности. Отсюда вопросъ (Рим. X, 14): како у слышатъ беъ проповѣдующаго? и—довлѣющій отвѣтъ (Мрк. XVI, 15): шедше проповѣдите Евангеліе въ сей твари. Въ этомъ случаѣ Евангеліе, бывшее фактическимъ благовѣстиемъ, становится уже разсказомъ о немъ, изложеніемъ его съ возможною вѣрностію и всесторонностію. Такимъ

¹⁾ Ср. Prof. Julius Schniewind, S. 18.

путемъ получается производное понятіе анализируемаго термина для квалификаціи въ вѣщениі о Христѣ (Рим. X, 16: „не вси послушаша благовѣствованія“. 1 Кор. IV, 15. IX, 14: „отъ благовѣстія жити“. Гал. II, 7: „мнѣ ввѣрено благовѣстіе“. Филипп. IV, 15: „вы знаете, что въ началѣ благовѣствованія, когда я вышелъ изъ Македоніи, ни одна церковь не оказала мнѣ участія подаяніемъ и принятіемъ, кроме всѣхъ однихъ“) съ тою цѣлію, чтобы посредствующимъ благовѣствованіемъ, чрезъ кого-либо, о нѣкогда случившемся исторически (Рим. II, 16. XVI, 25: κατὰ τὸ Εὐαγγέλιον μου καὶ τὸ κήρυγμα τοῦ Χριστοῦ. 2 Кор. IV, 3. 1 Θессал. I, 5. 2 Θεσσαл. II, 14. 2 Тим. II, 8) передать другимъ самую истину Евангельскую (Гал. II, 5, 14: ἡ ἀλήθεια τοῦ Εὐαγγελίου), т. е. подлинную сущность совершенного Господомъ искупленія. Поелику же единственное средство для подобнаго информированія заключалось въ словесномъ воспроизведеніи спасительного события во всей его глубинѣ и всеобемлемости, то и Евангеліе отмѣчаетъ теперь повѣствованіе о лицѣ и дѣлѣ Спасителя, хотя бы даже не вполнѣ или невѣрно выражавшее ихъ (Гал. I, 6: ἐπερον εὐαγγέλιον), — со всѣми частными пунктами евангельского ученія, каковы, напр., воскресеніе Христа и будущее возстаніе умершихъ (1 Кор. XV, 1) и т. п. Само Евангеліе, какъ фактъ, здѣсь евангелизуется (2 Кор. XI, 7: „согрѣшилъ ли я тѣмъ, что унижалъ себя, дабы возвысить васъ, бытіе бояре же той Θεοῦ Εὐαγγέλιον εὐηγγελισάμην ὑμῖν;“ Ср. Гал. I, 11: τὸ εὐαγγέλιον τὸ εὐαγγελισθὲν ὑπὸ ἑμοῦ... οὐκ ἔστι κατὰ ἀνθρωπον) чрезъ Евангеліе апостольское (1 Кор. IX, 18: ...εὐαγγελιζόμενος ἀδάπανον θήρω τὸ Εὐαγγέλιον — тобъ Христоу. XV, 1: γυωρίζω δὲ ὑμῖν, ἀδελφοί, τὸ εὐαγγέλιον ἐεὐηγγελισάμην ὑμῖν), гдѣ изображается это великое дѣло Христово человѣческимъ словомъ. Тутъ понятіе „Евангелія“ обнимаетъ собою проповѣдываніе объ искупленіи грѣховнаго міра Господомъ Спасителемъ и о томъ, какъ оно было совершено исторически, почему отмѣчаетъ содержаніе и форму благовѣстія Апостоловъ, которые чрезъ это посредственно дѣлаются тоже Евангелистами (Дѣян. XXI, 8. Еф. IV, 11. 2 Тим. IV, 5), ибо они — „благовѣствующіе миръ, благовѣствующіе благое“ (Иса. LII, 7 въ Рим. X, 15).

Итакъ: въ дальнѣйшемъ смыслѣ, совершенно логически вытекающемъ изъ основного понятія по его библейскому употребленію, Евангеліемъ называется устное изложеніе христіанскаго ученія о спасеніи людей, а самые проповѣдники получили наименование Евангелистовъ. Но вѣдь — по вѣрному сужденію Оригена объ Апостолѣ Павлѣ (in Matth. XVII, 13: Migne gr. XIII, col. 1516) — „что онъ проповѣдывалъ или говорилъ, — это есть Евангеліе, а потому и что написалъ — тоже Евангеліе. А если Павловы посланія суть

Евангелія, то справедливо сказать не менѣе сего и о Петрѣ”.

Отсюда всячески натурально, что это наименование все-цѣло перешло и на апостольскія писанія въ виду ихъ Евангельского содержанія, какъ совершенно тожественаго съ устнымъ благовѣствованіемъ и вполнѣ точно отражающаго фактическое благовѣстіе въ самомъ дѣлѣ Христо-вомъ. И это тѣмъ естественнѣе и понятнѣе, что уже Господь Спаситель освятилъ такое употребленіе даннаго термина въ примѣненіи къ разсказамъ о всемъ своемъ искупи-тельномъ подвигѣ и обѣ отдельныхъ его эпизодахъ¹⁾. „И проповѣдано будетъ сіе Евангеліе царствія (αἱ κηρυχθέται τοῦτο τὸ εὐαγγέλιον τοῖς βασιλεῖς), — говоритъ Онъ въ эсхатологической рѣчи (Ме. XXIV, 14), — по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ народамъ; и тогда пріидетъ конецъ”. По поводу недовольства учениковъ (или —само- —бы) на женщину, помазавшую миромъ божественного Учителя, Христость замѣтилъ (Ме. XXVI, 13. Мрк. XIV, 9): „гдѣ ни будетъ проповѣдано Евангеліе сіе (ὅπου ἔαν κηρυχθῇ τὸ Εὐαγγέλιον τούτο) въ цѣломъ мірѣ, сказано будетъ и о томъ, что она сдѣлала”. Здѣсь благо-вѣстническіе факты переходятъ въ благо-вѣстническую про-повѣдь и, конечно, остаются таковою въ письменномъ из-ложеніи. По этой причинѣ — и по отношенію къ священ-нымъ литературнымъ произведеніямъ — Евангелистами явля-ются лишь писатели первыхъ четырехъ новозавѣтныхъ книгъ, и изъ всѣхъ „памятныхъ записей апостольскихъ”, только послѣднія титулюются Евангелиемъ въ собственномъ смыслѣ: ἀπομνημονεύματα τῶν ἀποστόλων, ἀ καλεῖται Εὐαγγέλια — такъ говоритъ св. Іустинъ Муч. (I Апол. 66: Migne gr. VI, 429) касательно однихъ историческихъ повѣствованій о Христѣ Спасителе. Объективная ассоціація содержанія и изло-женія была столь натуральная и прочная, что наименованіе первого сразу переходило и на второе, ибо тамъ воспроиз-водится совершенное Христомъ Евангеліе — величайшая и единственная радость для всего міра. Посему вполнѣ вѣро-ятно, что заглавіе каноническихъ записей ведетъ свое на-чало отъ ихъ составителей, а св. І. Златоустъ прямо сви-дѣтельствуетъ, что Матеей „справедливо назваль трудъ свой Евангеліемъ” (in Matth. hom. I, 2: M. gr. LXII, 15, 16).

Если же такъ, то лучше сохранять этотъ священный terminus technicus въ вербальной неприкосновенности и го-рussки пояснять его нашимъ „благовѣстіе”, потому что по-слѣднее болѣе или менѣе точно выражаетъ существенные отѣнки греческаго Εὐαγγέλιον, указывая своимъ граммати-

¹⁾ Объ употребленіи Христомъ термина Εὐαγγέλιον ср. Prof Julius Schniewind, S. 6, 12.

ческимъ строеніемъ и на фактъ (ср. „событие“) и на сообщеніе его другимъ устно и письменно (ср. „известіе“).

Всѣ раскрытыя нами положенія въ высшей степени важны для установленія правильнаго понятія о евангельскихъ записяхъ и для опредѣленія объективнаго отношенія къ нимъ при ихъ научномъ разсмотрѣніи. Письменныя „Евангелия“ имѣютъ ту же цѣль, какую осуществлялъ и Господь своею искупительною дѣятельностію. Посему, излагая ее, они въ равной мѣрѣ желають всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумѣ истины прійти (1 Тим. II, 4) и — соответственно этому — передаютъ лишь то и въ такомъ видѣ, чтѣ въ извѣстномъ смыслѣ касается этого специальнаго предмета. Ихъ задача — практическо-сoteriологическая, и все, выходившее за ея предѣлы, естественно опускается священными редакторами. Многа и ина знаменія, — замѣчаетъ Апостолъ Иоаннъ (ХХ, 30-31) именно о своемъ Евангелии, — сотвори Иисусъ предъ ученики Своими, яже не суть писана въ книгахъ сихъ. Сія же писана быша, да вѣруете, яко Иисусъ есть Сынъ Божій, и да вѣрующе, животъ имате во имя Его.

Евангелие, — значитъ, — не трудъ строго исторической и чисто біографической со всѣми типическими свойствами подобныхъ произведеній — тогдашнихъ и позднѣйшихъ. Правда, св. Лука высказываетъ намѣреніе „по ряду писать“ (καθεξῆς γράψῃ), прослѣдивши все сначала (Лк. I, 3), но эти литературно-техническіе приемы служатъ только средствомъ для практическихъ интересовъ, чтобы культурно образованный сановникъ Феофилъ „узналь твердое основаніе того ученія, въ которомъ быль наставленъ“. Совершенная всеобъемлемость была фактически невозможна по безграничности самого дѣла Христова, поелику „многое сотворилъ Иисусъ, но еслибы писать о томъ подробнѣ, то — по выраженію св. Иоанна Богослова (ХХI, 25) — даже самому миру не вмѣстить бы написанныхъ книгъ“. Такая детальная полнота была и не нужна объективно при единственномъ правильномъ возврѣніи Евангелистовъ на лицо Господа Спасителя. Вѣрно, что Христосъ быль историческімъ персонажемъ и Его земная жизнь замыкалась опредѣленными рамками; однако каждый моментъ Его бытія на землѣ — съ самого начала до конца — быль актомъ божественной реализаціи особой, неземной миссіи, ради которой было и самое воплощеніе. Поэтому и вся историческая жизнь Христова должна быть рассматриваема только съ этой точки зрѣнія, ибо лишь при ней она получаетъ надлежащій смыслъ и истинное освѣщеніе. Въ земномъ творилось нечто эссенціально небесное, которое нимало не покрывалось тѣмъ всецѣло и во многомъ пользовалось имъ,

какъ внѣшнимъ аксессуаромъ. Спаситель былъ и человѣкомъ, но въ своемъ гуманитарномъ функционированіи шелъ по небесному маршруту для божественного осуществленія Божіихъ цѣлей, которыя были единственными и доминирующими, а все реалистическое являлось служебнымъ и побочнымъ. Понятно отсюда, что многое въ человѣческомъ развитіи Господа Христа было лишь временно-обусловленнымъ, какъ, напр., младенчество въ качествѣ перехода къ возмужалости. Не менѣе истинно, что и въ многообразной Его исторической дѣятельности не все было эссенціально-messіанскимъ, являясь предуготовительнымъ и вспомогательнымъ къ искупительному служенію, которое только и характеризовало подлинную личность Христа и спасительную активность. Посему и въ повѣствованіи о Его пребываніи и дѣятельности среди людей было важно и нужно лишь то, что характеризовало именно съ этой стороны, показывало Бога во плоти, Спасителя міра, когда для всѣхъ становилось неотразимымъ, что Онъ — Искупитель. При одномъ этомъ условіи и возможно было соотвѣтственное постиженіе мессіанской богочеловѣчности, въ которой спасеніе міра являлось и исходнымъ началомъ, и жизненнымъ принципомъ, и конечною цѣлію земного бытія. По этой причинѣ сообразно данной нормѣ должны были располагаться всѣ отдѣльные факты, чтобы своею конкретною рельефностью и взаимною комбинаціей адекватно констатировать божественную реальность истории Христовой.

Все это мы и находимъ въ нашихъ каноническихъ Евангеліяхъ, гдѣ каждый писатель, по своимъ практическимъ цѣлямъ и приспособительно къ нуждамъ и пользѣ слушателей, даетъ свое изображеніе Христа, но именно, какъ Спасителя міра. Господствомъ такого священнописательского принципа объясняется и литературный характеръ теперешнихъ евангельскихъ повѣствованій. Въ силу его періодъ дѣтства Іисуса совсѣмъ не являлся необходимымъ и въ разсказѣ объ общественномъ служеніи Господа не требовалось механическаго соблюденія пунктуальной хронологии, внесенія каждого изреченія въ его первоначальной фактической ассоціаціи и т. д. Отсюда — выводъ: Евангеліе — не погодная лѣтопись и не обычная біографія, а цѣлостное изображеніе дѣла Христова, проникнутое сoteriологическою идеей, которая была въ немъ движущимъ факторомъ и, следовательно, вполнѣ его выражаетъ. Естественно, что тамъ воспроизводится по преимуществу этотъ главенствующій элементъ, а все прочее — лишь по связи, соприкосненности и отношенію къ нему.

Съ этой точки зреянія нельзя не признать омраченіемъ истиннаго идеала Евангельской исторіи и утратою правильнаго понятія о ней всѣ извѣстныя апокрифическія сказанія.